

В.Т. Мусбахова

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СВИДЕТЕЛЬСТВА ГЕРОДОТА О ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ АРИСТЕЯ ИЗ ПРОКОННЕСА И ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ «АРИМАСПЕИ»

Среди ранних свидетельств о контактах греков с Северным Причерноморьем традиция об Аристее, сохраненная для нас главным образом Геродотом, занимает совершенно особое место. Уникальна она и для греческих данных в целом. Речь идет о длительном путешествии от северного побережья Понта в глубь материка, побудительные мотивы и цель которого находились в сфере религии Аполлона; запечатлено же оно было в гексаметрической поэме, известной уже в древности под названием «Аримаспея» (эпос об аримаспах). Судя по ее содержанию, она была не похожа ни на один из известных нам видов эпоса, а в основе ее структуры лежало, скорее всего, описание пути к гиперборейям, как осуществленного самим Аристеем, так и записанного им со слов его информаторов. Таким образом, феномен Аристея – в ярком единстве трех ипостасей: адепта Аполлона, историка (в том значении, которое этому слову придает Геродот) и поэта.

Дискуссия вокруг проблемы определения времени жизни Аристея, имеющая особое значение в контексте истории освоения эллинами северных берегов Понта и прилежащих к ним территорий в глубь материка, продолжается не первое десятилетие. Порождена она наличием двух конкурирующих дат в наших источниках: начало VII в. до н. э.¹ (*Hdt.* IV. 15) и 58-я Олимпиада, или 548–545 гг. (*Suda–Rohde*, см. ниже), причем в последние десятилетия очевидна тенденция к отказу от сведений Геродота в пользу предполагаемой датировки

¹ В дальнейшем сокращение «до н. э.» везде опускается.

Суды. Однако поскольку обе эти даты текстологически далеки от полной определенности, начать нужно с картины, которую дают источники.

1. Согласно рукописям Геродота, «Аримаспея» была написана за 240 (ABC) или за 340 (DRSVP) лет до появления Аристея в Метапонте (*Hdt.* IV. 15). Хотя первая дата засвидетельствована наиболее авторитетными рукописями и в ее пользу свидетельствует цитирование в ряде древних источников, появление в рукописях Геродота второй цифры, предполагающей в качестве времени создания «Аримаспеи» первую половину VIII в., также нуждается в каком-то истолковании.

2. Согласно данным рукописей словаря Суды, Аристей жил во время либо восьмой (η': 748–745 гг.), либо пятидесятой Олимпиады (ν': 570–567 гг.). Однако большинство исследователей, прибегающих к данным Суды, принимают предположение Роде, полагавшего, что первоначальным чтением нужно считать 58-ю Олимпиаду (ν' < η' >), или 548–545 гг.; в пользу этого предположения как будто бы говорит использованный Судой синхронизм Аристея с Киром и Крезом, т. е. со временем взятия Сард (Rohde 1901: 136)². Число 58 получается простым сложением двух рукописных чтений, однако совсем не просто объяснить, почему оно распалось в последующей рукописной традиции. Таким образом, первая дата засвидетельствована наиболее авторитетной частью рукописей Геродота, а вторая, завоевывающая в последнее время все большее число сторонников, представляет собой конъектуру, о надежности которой подробнее будет сказано ниже.

Очевидно, что два наших основных источника по хронологии Аристея значительно расходятся между собой во времени, предлагая нам – Геродот – начало VII в., а Суда с поправкой Роде – середину VI в., время гибели Сард. Однако одно дело, если Аристей совершил свое путешествие к исседонам в начале VII в., в эпоху, которая для Сев. Причерноморья теряется в густом доколониционном тумане, и совершенно все иначе, если он путешествовал в середине VI в., когда основные точки на карте колонизации Понта уже существовали. Первая дата приходится еще на начальную стадию, а верхняя – уже на начало завершающей фазы грандиозного процесса, именуемого Великой греческой колонизацией. Это верно и для освоения Понта, включая его северное побережье, если понимать под начальной фазой период нащупывания путей и предварительного ознакомления с особым миром, каковым для греков Эгеиды, безусловно, был мир по ту сторону проливов (Мачинский, Мусбахова 2009: 345сл.). Поэтому от того, насколько мы приблизимся к истине в вопросе о времени

² Болтон принимает рукописное чтение 'Ολυμπιάδι ν', т. е. 580/577 г. (Bolton 1962: 126). Дополнительно см. ниже.

создания «Аримаспеи», во многом зависит правдоподобие восстанавливаемой нами картины ранних контактов эллинов с миром Северного Причерноморья и уходящих от него в глубь материка территорий. Исходя из этого и наши представления о самом Аристее, в противоположность парадоксальному выводу одного из новейших исследований на эту тему (Щеглов 2010: 29)³, будут радикально другими в зависимости от того, отнесем ли мы его к VII или к VI в.

Здесь следует сказать, что традиция об Аристее, передаваемая Геродотом, несмотря на авторитетность источника, обычно отвергается потому, что она как будто не соответствует существующей картине колониационного освоения Северного Причерноморья. С. Уэст прямо пишет, что геродотовский подсчет требует допущения слишком ранних контактов греков с кочевниками евразийских степей и что наши представления об Аристее и его поэме завязят главным образом от того, доверяем мы или нет датировке, подсказываемой этим допущением (West 2004: 45). И другие авторы, исповедывающие гиперкритицизм по отношению к доколониационной эпохе, рассуждают, следуя сходной логике: этого не может быть, потому что колоний на северном побережье тогда еще не существовало, а «до появления здесь колоний получение таких сведений, которые содержались в Аримаспее, не говоря уже о путешествии в те края, было делом нереальным» (Тохтасьев 1993: 29). Тем самым геродотовские сведения о путешествии Аристея и содержании его поэмы, которые по своей природе имеют характер источника по контактам греков с обитателями североприпонтийских степей, ставятся в зависимость от того, что мы о них знаем, – лошадь, иными словами, ставится позади телеги. Очевидно, что такой подход не ведет к уточнению картины ранних контактов греков с Северным Причерноморьем, но подменяет этот малоизвестный нам период временем уже установившейся здесь колониальной активности.

Однако доколониационная эпоха в Северном Причерноморье должна утвердиться в своих правах. В противном случае за пределами возможных объяснений остается не только фигура Аристея, но и целый ряд других уникальных фактов: это и разрозненные находки керамики середины VII в. в разных точках Северного Причерноморья (Мачинский 2011), и появление здесь таких шедевров греческой торевтики, как электровое зеркало и серебряный ритон из

³ «Подводя итог, приходится констатировать, что у нас нет надежных оснований для датировки жизни Аристея и сочинения “Аримаспеи”. Однако *не стоит придавать тому результату слишком большое значение. Следует отметить, что наши представления о самом Аристее, его поэме, путешествии и роли в истории, по большому счету, никак не изменятся от того, станем ли мы относить его к VII или к VI в. до н. э.* (курсив и выделение – мои)». Хочется задать вопрос, изменились ли бы наши представления о Гомере, его поэмах и роли в истории, если бы кто-то с непреложностью нам доказал, что он жил в VI в.?

Келлермесса, это, наконец, свидетельства греческих литературных источников (упоминание Истра у Гесиода, Левка как остров Ахилла у Арктина и др.).

Отказываясь от свидетельства Геродота в основном в силу гиперкритицизма по отношению к доколониальной эпохе, исследователи оказываются перед необходимостью принять датировку по Суде, обычно с поправкой Роде. При этом многие высказываются в том духе, что «датировка Суды не противоречит каким бы то ни было сведениям об Аристее, происходящим из других источников, кроме заведомо невероятных данных Геродота» (Тохтасьев 1993: 28). В этой связи необходимо сделать несколько уточнений.

Прежде всего, какие это другие источники? Речь, видимо, идет о свидетельствах Аполлония, Максима Тирского и других поздних текстах, в которых говорится о том, что душа Аристея была способна покидать тело, совершать длительные путешествия и затем вновь возвращаться в тело (Bolton 1962: 211ff., Fr. 14–20). Они действительно согласуются с сообщением Суды о том, что «его душа, когда хотела, выходила и снова заходила (в тело)» (*Suida alpha. 3900: τοῦτου φασι τὴν ψυχὴν, ὅταν ἐβούλετο, ἐξίεναι καὶ ἐπανιέναι πάλιν*). Эта традиция в свое время позволила Мейли рассматривать фигуру Аристея в контексте шаманизма VI в. (Meuli 1935: 153ff.). Сопоставление Аристея с такими деятелями, как Гермотим из Клазомен и скиф Абарис, на первый взгляд как будто бы блестяще подтверждает сведения Суды. Геродот, однако, явно не знал этой традиции в том виде, как она зафиксирована более поздними источниками. Достаточно указать на то, что, по Геродоту, из сукновальной мастерской исчезла не только душа, но и тело Аристея (*Hdt. IV. 14*).

В проконнесской части рассказа Геродота нет ничего сверхъестественного. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно прочитать Геродота и учесть несколько важных соображений о колонизации Проконнеса, сформулированных Хаксли.

Hdt. IV. 14: Ἀριστέην γὰρ λέγουσι, ἔόντα τῶν ἀστῶν οὐδενὸς γένος ὑποδεέστερον, ἐσελθόντα ἐς κναφήιον ἐν Προκοννήσῳ ἀποθανεῖν, καὶ τὸν κναφέα κατακλίσαντα τὸ ἐργαστήριον οἴχεσθαι ἀγγελέοντα τοῖσι προσήκουσι τῷ νεκρῷ. Ἐσκεδασμένου δὲ ἤδη τοῦ λόγου ἀνὰ τὴν πόλιν ὡς τεθνεῶς εἶη ὁ Ἀριστέης, ἐς ἀμφισβασίας τοῖσι λέγουσι ἀπικνέεσθαι ἄνδρα Κυζικηνὸν ἦκοντα ἐξ Ἀρτάκης πόλιος, φάντα συντυχεῖν τέ οἱ ἰόντι ἐπὶ Κυζίκου καὶ ἐς λόγους ἀπικέσθαι.

(Ибо говорят, что Аристей, бывший происхождением ничуть не ниже любого другого из горожан, войдя в сукновальню в Проконнесе, умер, и что сукновал, закрыв мастерскую, ушел, чтобы сообщить об этом близким умершего. И когда по городу уже распространился

слух о том, что Аристей умер, некий муж кизикский, прибывший из города Артаки, стал спорить с говорившими, сказав, что он встретил его, идущего в Кизик, и вступил с ним в разговор.)

Итак, как показалось сукновалу, Аристей умер. На самом деле он упал замертво, но вовсе не умер; пока сукновал ходил за родственниками, он пришел в себя и отправился в путь к гипербореям, повинувшись призыву Аполлона, как он сам, уже в поэме, мотивировал свое путешествие (*Hdt.* IV. 13: φοιβόλαπτος γυνόμενος). Любопытно, что он отправился в Кизик, как сообщил проконнесцам прибывший из Артаки человек, который его встретил. Видимо именно там, как в самой большой ближайшей гавани, можно было сесть на корабль, идущий в Понт.

Многим исследователям внушала сомнения невероятная скорость передвижения Аристея, которую надо принять исходя из местоположения о-ва Проконнес (совр. Мармара) относительно перешейка, где находится Кизик. Их успешно рассеивают наблюдения Хаксли, который обратил внимание на то, что Страбону были известны два Проконнеса, старый и новый (*Strab.* XIII. 1. 16: ἢ τε παλαιὰ Προκόννησός ἐστι καὶ ἡ νῦν Προκόννησος), причем существование старого Проконнеса подтверждают и другие источники (Huxley 1988: 151–155). В связи с этим естественно допустить, что первое поселение проконнесцев было основано на старом Проконнесе, которому наиболее соответствует ближайший к Кизику и Артаке остров (Галоне, совр. Пашалиман, см. *рис. 1*), и лишь позднее колония была основана и на дальнем острове, ставшем знаменитым залежами высококачественного мрамора (*Strab.* *Ibid.*). Если же история Аристея имела место на старом Проконнесе, от которого рукой подать до Артаки, то рассказ прибывшего оттуда кизикца звучит вполне реалистично.

Этот последний, однако, скорее всего не мог встретиться с Аристеем на дороге в Кизик, поскольку Артака находится между

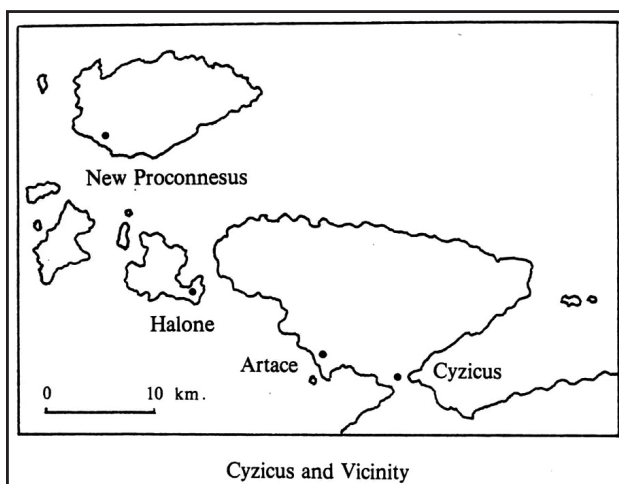

Рис. 1

Кизиком и Проконнесом⁴. Поэтому причастие ἰόντι во фразе φάντα συντυχεῖν τέ οἱ ἰόντι ἐπὶ Κυζίκου, которое обычно понимают в прямом значении глагола εἶμι, ‘идти’ (сказав, что он встретился с ним, идущим в Кизик), скорее всего, надо понимать в другом значении этого глагола – ‘отправляться’ (сказав, что он встретился с ним, отправившимся в Кизик, ср. *Hom. Od. II. 367*). Эта встреча могла состояться в гавани старого Проконнеса, или Артаки. И в том, и в другом случае она должна была произойти спустя короткое время после «смерти» Аристея.

Наличие единственного по-настоящему иррационального элемента рассказа Геродота можно констатировать лишь для его метапонтинской части, где говорится о явлении Аристея в Метапонте спустя 240 лет после второго исчезновения из Проконнеса. Не вдаваясь в рамках данной статьи в истолкование этого явления, отметим лишь, что его справедливо связывают с формированием в Южной Италии, с появлением там в VI в. Пифагора, совершенно особого идейно-религиозного контекста (Bolton 1962: 174 f.). Интерес к Аристею, бывшему, вероятно, наиболее авторитетным источником о гиперборейях, и личность Пифагора, провозгласившего себя Аполлоном Гиперборейским, едва ли могли быть несвязанными явлениями.

Таким образом, мы можем констатировать, что Суда действительно согласуется с баснословной поздней традицией о способности души Аристея путешествовать вне тела и противоречит только Геродоту, единственному источнику, ею не затронутому. Это свидетельствует о том, что Геродоту она еще не была известна.

Помимо того, что Геродот рассказывает нам вполне реалистическую проконнесско-кизикскую версию событий, которые предшествовали путешествию Аристея, он кратко излагает содержание его поэмы, и именно этот пассаж, в силу того что он является пересказом, а также благодаря передаваемой в нем информации, которая делает его потенциальным свидетельством о времени ее фиксации, является ключевым внешним свидетельством для датировки поэмы Аристея. Рассмотрим его подробнее.

Hdt. IV. 13: ἔφη δὲ Ἀριστέης ὁ Καῦστροβίου ἀνὴρ Προκωννήσιος, ποέων ἔπεα, ἀπικέσθαι ἐς Ἴσσηδόνας φοιβόλαμπτος γενόμενος, Ἴσσηδόνας δὲ ὑπεροικέειν Ἀριμασπὸς ἄνδρας μονοφθάλμους, ὑπὲρ

⁴ В качестве единственной возможности для их встречи на пешем пути мог бы рассматриваться отрезок между городом Артакой и ближайшей гаванью, из которой можно было переправиться в Проконнес, и то при условии, что дорога в Кизик оттуда лежала через Артаку. Артака как будто бы располагалась не на самом берегу (*Scyl. 94. 5*), но расстояние от города до берега там все же должно было быть минимальное, см. *рис. 1*.

δὲ τούτων τοὺς χρυσοφύλακας γρῦπας, τούτων δὲ τοὺς Ὑπερβορέους κατήκοντας ἐπὶ θάλασσαν· τούτους ὧν πάντας πλὴν Ὑπερβορέων, ἀρξάντων Ἀριμασπῶν, αἰεὶ τοῖσι πλησιοχώροισι ἐπιτίθεσθαι, καὶ ὑπὸ μὲν Ἀριμασπῶν ἐξοθέεσθαι ἐκ τῆς χώρας Ἴσσηδόνας, ὑπὸ δὲ Ἴσσηδόνων Σκύθας, Κιμμερίους δὲ οἰκέοντας ἐπὶ τῇ νοτίῃ θαλάσσει ὑπὸ Σκυθέων πιεζομένους ἐκλιπεῖν* τὴν χώραν.

(Аристей же, сын Каистробия, муж Проконнеский, рассказал в (своей) поэме, что он прибыл к исседонам по воле Аполлона, что за исседонами живут аримасы, мужи одноглазые, за ними – сторожащие золото грифоны, а за этими – гипербореи, до самого моря; что все они, кроме гипербореев, постоянно нападают на соседей, при том, что зачинщиками являются аримасы и что исседонов вытесняют из их страны аримасы, а скифов исседоны, киммерийцы же, обитавшие у южного моря, под давлением скифов покинули свою страну⁵).

* В тексте имеется лишь одно существенное разночтение – ἐκλιπεῖν/ἐκλείπειν; каждый из вариантов поддерживается примерно половиной основных рукописей, но чтение ἐκλείπειν представлено наиболее авторитетной частью традиции (АВСР). Между тем смысл сказанного весьма существенно меняется в зависимости от времени инфинитива. При чтении ἐκλείπειν информация о киммерийцах должна была передаваться Аристеем в настоящем времени (см. примеч. 6): *киммерийцы же, обитающие у южного моря, под давлением скифов покидают страну*. Однако легко представить, что исходный Inf. Aor. ἐκλιπεῖν кем-то из переписчиков был заменен на Inf. Praes. под влиянием серии предшествующих Inf. Praes. Поэтому, учитывая, что в начале VII в. уход киммерийцев из Северного Причерноморья должен был уже быть в прошлом, при том что движение кочевых племен степи еще могло продолжаться, мы предпочитаем чтение ἐκλιπεῖν, принятое в оксфордском издании Геродота. В ряде других изданий, снабженных параллельным переводом, принимается инфинитив ἐκλείπειν, однако в переводе он без каких-либо пояснений передается прошедшим временем (Godley 1921; Legrand 1945; Доватур, Каллистов, Шишова 1982).

⁵ Переводы греческих текстов здесь и далее мои, за исключением специально отмеченных случаев.

Чрезвычайно важно, что этот текст является одновременно и внутренним свидетельством, поскольку Геродот в нем пересказывает (ἔφη δὲ Ἀριστέης) содержание самой эпической поэмы (ποέων ἔλεα; границей этого пересказа является резюмирующая фраза о том, что и версия Аристея отличается от скифской: Οὕτω οὐδὲ οὗτος συμφέρεται περὶ τῆς χώρας ταύτης Σκύθησι). Поэтому М. Дэвис совершенно справедливо помещает этот пассаж среди фрагментов Аристея (Davies 1988). Выделенные в тексте инфинитивы, зависящие от ἔφη и входящие в оборот accusativus cum infinitivo, собственно, и передают рассказ Аристея, и на основании их временного соотношения мы восстанавливаем картину распределения времен в исходном тексте⁶.

Итак, по свидетельству Геродота, а точнее самого Аристея, он побывал у исседонов, когда степь еще находилась в том движении, которое привело к вытеснению киммерийцев из их страны у южного моря. Сторонники ранней датировки Аристея нередко оценивают этот текст через призму свидетельства Геродота о времени жизни Аристея, которое как будто придает ему больший вес (Алексеев 2003: 90); сторонники поздней даты предпочитают и вовсе его не анализировать, ссылаясь на заведомую невозможность контактов с северными территориями ранее «времени, когда в Северном Причерноморье уже были греческие колонии» (Тохтасьев 1993: 29), т. е. VI в., хотя наиболее естественным представляется, наоборот, рассматривать предполагаемые даты жизни Аристея, и в том числе геродотовскую, исходя из этого важнейшего свидетельства о содержании самой поэмы. Вопрос должен быть поставлен следующим образом: какой из имеющихся датировок соответствует информация о содержании поэмы Аристея, пересказанная Геродотом?

Необходимо отметить, что рассказ Аристея в своем историческом ядре совпадает со второй версией появления скифов в Северном Причерноморье (*Hdt.* IV. 11), происходящей, как полагают, из мидийских источников. В обоих случаях скифы-кочевники приходят из Азии и вытесняют киммерийцев из их земли, только в одном случае это происходит под давлением исседонов, а в другом – массагетов. Хотя Геродот не отмечает этого сходства, ясно, что в обоих случаях речь идет об одних событиях, переданных разными источниками⁷. Поскольку эти све-

⁶ Inf. Praes. после ἔφη в данном случае может соответствовать только настоящему времени в прямой речи (Inf. Praes. после ἔφη может соответствовать имперфекту прямой речи только при наличии индикаторов прошедшего времени, см.: Goodwin 1998: 39, §120). Останавливаюсь на этом только в силу того, что оно не соблюдается практически ни в одном из известных мне переводов с очевидным ущербом для понимания того, что нам сообщает здесь Геродот.

⁷ Исседоны и массагеты – родственные кочевые племена иранской группы; скифы наверняка продвигались волнами по значительному пространству степи, поэтому естественно, что какая-то их часть могла быть теснима на запад исседонами, тогда как

дения соответствуют реальным процессам миграций, происходившим в степи в конце VIII – начале VII в., очевидно, к этому времени и надо относить сложение обеих версий. В пользу их сближения свидетельствует фрагмент Симмия, в котором в связи с гиперборейями упоминаются не аримаспы, как обычно в традиции, восходящей к Аристею, а массагеты (см. ниже). В отличие от массагетской версии, история, записанная Аристеем от исседонов, отличается большей полнотой, несмотря на легендарное обличье, которое явно помешало Геродоту увидеть ее историческую достоверность: здесь мы наблюдаем бóльшую цепочку народов, пришедших в движение (аримаспы – исседоны – скифы – киммерийцы), и видим его исходную точку (некий крайний предел зоны кочевания, на границе которого находятся сторожащие золото грифоны).

Таким образом, если воспринимать рассказ Аристея как достоверное свидетельство о современных ему реалиях жизни того мира, который оказался объектом его описания, то, опираясь на известные факты, можно сказать, что он вполне может быть локализован в конце первой трети VII в., но смотрится полным анахронизмом в середине VI в. до н. э. В самом деле, может ли в середине VI в. идти речь о вытеснении скифов исседонами, т. е. об их передвижении с востока на запад и о водворении в Северном Причерноморье? Возможно ли в это время говорить о вытеснении киммерийцев с их родины как о недавнем событии? Это обстоятельство полностью игнорируется всеми, кто предпочитает датировку Суды в интерпретации Роде.

Здесь уместно более подробно взглянуть на свидетельство Суды.

Suida alpha. 3900: <Ἀριστέας,> Δημοχάριδος ἢ Καῦστροβίου, Προικωννήσιος, ἑποποιός: τὰ Ἀριμάσπεια καλούμενα ἔπη... γέγονε κατὰ Κροῖσον καὶ Κῦρον, Ὀλυμπιάδι ν' [ἦ F; ὀγδόῃ V]. ἔγραψε δὲ οὗτος καὶ καταλογάδην Θεογονίαν.

(Аристей, сын Демохарида или Каустробия, проконнесец, эпический поэт: эпос, именуемый «Аримаспия...» жил во время Креза и Кира, в 50-ю Олимпиаду [8 F; восьмую – V]. Написал он также и прозаическую «Теогонию»).

Сомневаться в надежности этого свидетельства заставляют очевидные признаки контаминации в нем двух персонажей: два разных патронимика и два разных приписываемых им произведения (Щеглов 2001: 7; 2010: 25)⁸, тем более что ни один другой источник не называет Аристея из Проконнеса сы-

другая могла соприкасаться с массагетами.

⁸ Предположение о том, что у Суды речь может идти о двух персонажах, высказывалось ранее в устной форме Д.А. Мачинским.

ном Демохарида и не приписывает ему авторство также и «Теогонии». Кроме того, как уже отмечалось выше, непонятно, каким образом предполагаемая изначальная датировка Суды, Ὀλυμπιάδι ν' <η'>, распалась впоследствии в разных рукописях на две, что, конечно, уменьшает доверие к соображениям Роде. В связи с этим можно предположить, что и даваемый рукописями набор дат отражает контаминацию двух лемм словаря, посвященных двум разным Аристеям⁹, один из которых, сын Каистробия и автор Аримаспеи, был известен в 8-ю Олимпиаду, а другой, сын Демохарида и автор прозаической «Теогонии», жил в 50-ю Олимпиаду и был синхронизирован со временем Кира и Креза. Некоторую сложность создает несоответствие 50-й Олимпиады (570–567) времени Кира и Креза, если понимать под последним год взятия Сард (548). Но, во-первых, это необязательно, т. к. при необходимости у Суды прямо говорится об этом событии (например, об Анаксимене: γέγονεν ἐν τῇ νε' ὀλυμπιάδι, ἐν τῇ Σάρδεων ἀλώσει, ὅτε Κύρος ὁ Πέρσης Κροῖσον καθεῖλεν), а во-вторых, неточность во временном отнесении для Суды вполне характерна (в предыдущем примере взятие Сард отнесено к 55-й Олимпиаде; об Ивике у Суды сказано, что он жил при Крезе в 54-ю Олимпиаду, – возможно, дело в том, что время Креза приходилось, в основном, на пятидесятые Олимпиады).

При такой интерпретации мы получаем для нашего Аристея маловероятную, с точки зрения принятого понимания сведений Геродота, дату в середине VIII в. (748–745). Она, однако, может быть связана с традицией отнесения Аристея к догомеровскому пласту греческой литературы, о существовании которой имеется ряд свидетельств: *Strab.* XIV. 1. 18: τινὲς δὲ διδάσκαλον Ὀμήρου τοῦτον φασίν, οἱ δ' οὐ τοῦτον [Κρεώφυλον] ἀλλ' Ἀριστεάν τὸν Προκωννήσιον (некоторые же называют его учителем Гомера, другие же не его [Креофила], а Аристея Проконнесского); *Strab.* I. 2. 10; *Euseb.* *Præp. Evangelica* X. 2. 27. Любопытно, что с этой датой сближается и хронология Аристея, следующая из части рукописей Геродота (за 340 лет до явления в Метапонтe, см. выше): появление в них цифры 340 можно понять как исправление, сделанное переписчиком, знакомым с этой традицией. Скорее всего, толчком к ее возникновению послужила возможность объяснить сведения Гомера о киммерийцах знакомством с поэмой Аристея (Тохтасьев 1993: 12), что дает возможность относить ее к изысканиям эллинистической эпохи. Исходя из этих соображений, данные Суды невозможно использовать как свидетельство о времени жизни исторического Аристея.

⁹ Следует учесть, что вводное слово <Ἀριστεάς> у Суды восстановлено. Поэтому в исходных леммах могли быть два близких по звучанию имени Ἀριστεάς и Ἀρισταῖος. В поздней традиции Аристей Проконнесский иногда возникает с именем Ἀρισταῖος, ср. *Euseb.* *Præp. Evangelica* X. 2. 27.

Подсчет Геродота, в первом приближении уводящий нас в самое начало VII в., напротив, прекрасно соответствует исторической интерпретации переданного историком содержания поэмы Аристея. Он подтверждается упоминавшимся выше соображением Хаксли о том, что Аристей принадлежал к первым колонистам Проконнеса (осн. до 690 г.), которые первоначально обосновались на ближайшем к суше старом Проконнесе. В пользу этого предположения определенно свидетельствует и патроним Аристея, ведь имя Каистробий (данный Каистром, см.: Nuxley 1986: 154, n. 9), связанное с рекой Каистром, свидетельствует о том, что отец Аристея был рожден или, по крайней мере, зачат еще в Ионии (Nuxley 1986: 154). Это означает, что он мог быть первым из семьи, кто выселился в колонию. В противном случае первым переселенцем должен был быть сам Аристей.

Кроме этих соображений, еще ряд фактов могут рассматриваться как внешние свидетельства о поэме Аристея, выступая тем самым в качестве *termini ante quem* для определения времени ее создания.

1) *Келлермесское зеркало*. Система изображений, украшающих электровую обкладку зеркала, как это признано специалистами, была создана греческим мастером из Ионии, работавшим на заказ, вполне возможно, непосредственно в Северном Причерноморье (Максимова 1954; Вахтина 2001). Поэтому имеющаяся на зеркале сцена борьбы двух существ с грифонами давно интерпретируется как иллюстрация эпизода «Аримаспеи» (Bowra 1970: 83f.; Bolton 1962: 90f.), т. е. как сцена борьбы аримаспов и грифонов за золото (*Hdt.* III. 116). Очевидно, что благодаря этому обстоятельству время создания зеркала может рассматриваться как *terminus ante quem* для поэмы. Большое значение зеркалу как датирующему свидетельству придавал Болтон, но принятая в его время заниженная датировка (ок. 575 г.) повлияла среди прочего на отнесение им путешествия Аристея к третьей четверти VII в. Согласно обновленным датировкам, зеркало могло быть создано в интервале 650–620 гг. (Кисель 1993: 125; Галанина 1997: 142). Эта дата прекрасно согласуется как с данными Геродота, так и со временем, на которое указывает передаваемое историком содержание поэмы Аристея.

Можно, однако, указать на конкретную деталь, дополнительно свидетельствующую в пользу того, что художник создал сцену на зеркале под впечатлением поэмы Аристея. Находящаяся на зеркале под ногами аримаспов и грифона «плетенка» была убедительно отождествлена с водным пространством и сопоставлена, в частности, со златотекущим потоком, упоминаемым в посвященном аримаспам и грифонам пассаже трагедии «Прометей Прикованный» (Мачинский 1998: 115; Вахтина 2001: 110). Эта деталь не упоминается ни у Геродота, ни в других пересказах «Аримаспеи», и поскольку Эсхил, конечно, не видел зеркала, естественно думать, что она восходит к самой поэме. Это

означает, что и «плетенка» на зеркале является образом, восходящим непосредственно к «Аримаспее».

2) *Алкман*. Из трех предполагаемых «северопричерноморских» аллюзий Алкмана (fr. 3, 59 C: Κολαξαῖος (ἴπλος); fr. 162 C: Ῥίπας ὄρος; fr. 192 C: Ἴεσηδόνας) в связи с путешествием и поэмой Аристея наиболее интересно упоминание им эсседонов, более известных как исседоны и, вероятно, впервые упомянутых Аристеем (fr. 2(i) Davies: Ἴεσηδοί). Прежде всего потому, что Алкман единственный, как это специально оговаривает Стефан Византийский, использовал это имя с непривычным вокализмом первого слога: ἼΑλκμᾶν δὲ μόνος Ἴεσηδόνας αὐτοῦς φησι (*Steph. Byz. Eth.* 339. 18). Если верно объяснение такой огласовки исходя из лидийского языка (Ivantchik 2002: 261)¹⁰, то оно, прежде всего, свидетельствует в пользу связи Алкмана с Сардами, а во-вторых, позволяет сделать некоторые наблюдения о времени и источниках знакомства с ним поэта. Если Алкман покинул Сарды в третьей четверти VII в. (Ivantchik 2002: 263), то это событие могло быть связано с киммерийской угрозой, нависавшей над Лидией с 660-х гг., а может быть, даже непосредственно с захватом Сард в 644 г. В любом случае, уехал ли Алкман из Сард до или после этого события, впечатление, произведенное им на поэта, как и в целом реакция малоазийских греков на киммерийскую угрозу (ср. знаменитый стих Каллина), должно было быть огромно. Именно ввиду непосредственной киммерийской угрозы среди местного (прежде всего, греческого) населения могло стать особенно актуальным содержание уже известной поэмы Аристея из Проконнеса, основными информаторами которого были как раз исседоны. Поэма объясняла происхождение могущественного врага и придавала возможному столкновению с ним эсхатологические черты (их словно настигала неумолимая сила, изгонявшая народы с насиженных мест). Алкман мог слышать как устный пересказ, так и устное же исполнение поэмы Аристея, причем в обоих случаях произнесение имени исседонов с измененным вокализмом, «эсседоны», легко представимо.

Гипотеза о том, что упоминание исседонов у Алкмана могло происходить из скифского эпоса (Ivantchik 2002: 261f.), невероятна, прежде всего, потому что она держится на недоказанном предположении о тождественности киммерийских и скифских преданий, к которому ее автору приходится прибегать, чтобы избежать анахронизма (скифы появились в поле зрения лидийцев, когда Алкман уже, вероятнее всего, был в Спарте). Кроме того, идея об эпосе киммерийцев (=скифов) как источнике сведений Алкмана предполагает какую-то форму мирного сосуществования с ними лидийцев/греков, когда только и мо-

¹⁰ Путаница ε и ι возможна в древнегреческом при передаче иноязычных имен (Calame 1983: 602; Hinge 2006: 92).

жет произойти какой-то культурный обмен, чего в интересующую нас эпоху не было ни в Лидии, ни в Ионии. Наконец, гипотезе о «скифском» эпосе как источнике аллюзий Алкмана препятствует использование им для обозначения Рипейских гор выражения Ῥίπας ὄρος (fr. 162 C), поскольку эта форма слова не соответствует предположению Иванчика об уже совершившемся в языке скифов переходе $r(i) \rightarrow l$, о котором, как будто, свидетельствует форма Κολαξαῖος < *χολα-хšaya < *hvarya-хšaya (Ivantchik 2002: 258). Дело в том, что имя Липоксай, которое, как мы знаем из Геродота, вместе с именем Колаксай относится к триаде мифических предков скифов (*Hdt.* IV. 5), посредством такого же перехода связывают с названием Рипейских гор (Бонгард-Левин, Грантовский 2001: 89). Поэтому в рамках гипотезы о скифском эпосе требуется, чтобы либо имя Липоксай не было связано с Рипами, либо чтобы имя Рипа было заимствовано греками раньше, чем произошел упомянутый переход, или из диалекта, в котором он почему-то не произошел¹¹. В любом случае форма слова, употребленная Алкманом, препятствует допущению, что оно происходит из того же скифского эпоса, что упоминание Колаксаева коня¹². При этом вполне допустимо, что оба сведения были заимствованы у Аристея, который, естественно, мог пользоваться разными источниками. Но если возможность упоминания Колаксай у Аристея относится к разряду гипотез, то в том, что он в своей поэме писал о Рипях, едва ли могут быть сомнения, поскольку целью его путешествия были гипербореи¹³.

3) *Конные гипербореи «Каталога женщин»*. В одном из фрагментов «Каталога женщин», текста, датированного в пределах 580–520 гг. (West 1985: 136), упоминаются ‘прекрасноконные’ гипербореи (*Hes.* Fr. 150, 63: Ὑπερβόρεων εὐίπλων). Эпитет εὐίπλοι, ‘прекрасноконные’, по меньшей мере озадачивает,

¹¹ Наименее вероятно отождествление горы Рипы с упоминанием Рипы у Гомера, II. П. 606, где оно определенно обозначает населенный пункт.

¹² В своей первой статье об Аристее Иванчик вполне осознает эту трудность и отказывается считать, что название Рипейских гор было заимствовано греками у иранских народов (Иванчик 1989: 39), однако позднее упоминание Рипы уже включается им в число трех скифских аллюзий Алкмана (Ivantchik 2002: 261), но при этом трудность, связанная с формой слова и ее соотношением с именами Колаксай и Липоксай, не поясняется, хотя исследователь принимает для имени Колаксай этимологию Грантовского.

¹³ Этому предположению не препятствует то обстоятельство, что Геродот, пересказывая Аристея, не упоминает о Рипях. Во всем объемном труде Геродота Рипей не упоминаются ни разу, и этот удивительный факт требует отдельного осмысления. Ключом к молчанию Геродота в этом вопросе может быть изменение представлений о локализации Рипеев с течением времени: если у Аристея они должны были находиться на крайнем северо-востоке, то ко времени Пиндара в Рипях уже находятся истоки Истра. В этой ситуации от Геродота можно было бы ожидать комментария в виде отповеди тем, кто верит во всякую фантастику, вроде океана, гипербореев и др.

поскольку ни один другой источник не связывает гипербореев с конями. Объяснить его представляется возможным исходя из ряда свидетельств, в которых наблюдается смешение аримаспов с гипербореями.

Аримаспов путали с гипербореями, начиная, по крайней мере, с конца V в.: 1) Антимах (Колофонский, кон. V в.), как сообщает Стефан Византийский (*Steph. Byz.* 650. 3), полагал, что гиперборейи – это те же аримаспы (*Antim.* 141M)¹⁴; 2) у Каллимаха гиперборейские девы приходят от белокурых аримаспов (*Call. Del.* 291); 3) согласно Ференику (*Pheren.* 671. 5), гиперборейи заселили пашню Борея и породили царя Аримаспа; 4) в обсуждавшейся выше лемме словаря Суды аримаспы характеризуются эпитетом ‘гиперборейские’ (τὰ Ἀριμάσπεια καλούμενα ἔπη; ἔστι δὲ ἱστορία τῶν Ὑπερβόρων Ἀριμασπῶν, βιβλία γ’). 5) Весьма любопытным образцом этой традиции является фрагмент Симмия (нач. III в.), согласно которому в стране гипербореев живут массагеты, *Simm.* 1. 1–3:

τηλυγέτων δ' ἀφνειὸν Ὑπερβόρων ἀνὰ δῆμον...
ἔνθα δὲ Μασσαγέται τε θοῶν ἐπιβήτορες ἵππων
ναίουσιν τόξοισι πεποιθότες ὠκυβόλοισιν

(через богатую землю далеких гипербореев...
где массагеты, наездники быстрых коней
живут, уверенные в (своих) быстроразящих луках).

Здесь, судя по всему, происходит не только смешение аримаспов с гипербореями, но и контаминация двух традиций о приходе скифов в Северное Причерноморье, что в свою очередь свидетельствует, как уже было сказано выше, о близости рассказа Аристея и мидийской версии в пересказе Геродота. В результате массагеты выступают в роли отождествляемых с гипербореями аримаспов. Следует особо отметить близость характеристики массагетов как всадников (ἐπιβήτορες ἵππων) с определением аримаспов у Эсхила, которое, по нашему мнению, восходит к Аримаспее (см. ниже). Если все эти примеры свидетельствуют о том, что аримаспов путали с сопредельными им гипербореями, то появление в «Каталоге» конных гипербореев, очевидно, указывает на то, что имело место и обратное, т. е., что на гипербореев переносились характеристики аримаспов. Однако возможность такой путаницы подразумевает знакомство автора «Каталога», скорее всего, понаслышке, с информацией об аримаспах, источником которой в греческом мире была поэма Аристея.

¹⁴ Нумерация фрагмента дана по изданию: *Matthews V.J.* Antimachus of Colophon. Leiden; New York; Köln, 1996. Там же см. комментарий в пользу принадлежности фрагмента Антимаху.

Таким образом, имеющиеся внешние свидетельства ясно показывают, что поэма Аристея малоазийским грекам была хорошо известна уже к середине VII в., и тем самым прекрасно согласуются с датой, «вычисленной» Геродотом. Что касается самой даты, приводимой Геродотом, казалось бы, должен вызывать доверие сам факт того, что историк ее «вычислил» (*Hdt.* IV. 15: $\sigma\upsilon\mu\beta\alpha\lambda\lambda\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \epsilon\upsilon\beta\omicron\rho\iota\sigma\kappa\omicron\nu$), сопоставляя сведения разных источников, как проконнесских и кизикских, так и метапонтинских. При этом, поскольку речь идет об относительной цифре, не имеет никакого значения, является ли метапонтинский рассказ «полностью фантастичным» (Щеглов 2010: 24) или за ним стоит какая-то реальность.

Исследователи нередко отказываются от геродотовского подсчета, ссылаясь на произвольность или искусственность счета по поколениям, которая, возможно, стоит за цифрой 240 лет (Иванчик 1989: 44сл.; Тохтасьев 1993: 28). Уместнее, однако, говорить не об искусственности, а о приблизительности получаемого таким способом результата. При этом если Геродот переводил имевшееся у него число поколений в годы исходя из расчета 3 поколения = 100 лет, но продолжительность поколения, на которой основывался его источник, соответствовала 30 годам (Иванчик 1989: 44), то на каждые 100 лет Геродота приходится лишнее десятилетие, и поэтому геродотовскую цифру 240 мы можем уменьшить примерно на 20 лет. Это не дает нам результата, на котором можно было бы настаивать, имея в виду общую приблизительность и неясность расчетов Геродота, но показывает, как приводимые им датировки могли удревняться при пересчете из поколений в годы (из расчета 10 лет на каждое столетие).

Гораздо важнее другое. На сколько бы ни ошибался Геродот в своих вычислениях, он очевидным образом соотносил Аристея со временем появления в Лидии и Ионии киммерийской угрозы, которая, как он совершенно определенно знает, имела место до Креза (*Hdt.* I. 6), при сыне Гигеса Ардисе, когда киммерийцами были, за исключением акрополя, взяты Сарды (*Hdt.* I. 15). То есть, Геродот, безусловно, относил время жизни Аристея не позднее чем к середине VII в. до н. э.

Сомнения в расчетах Геродота, доходящие до отрицания их значимости, вызывает у исследователей и то обстоятельство, что он, в противоположность своей обычной практике отсчитывать древние даты от своего времени или синхронизировать их с другими, как будто бы не привязывает метапонтинские данные ко времени собственной жизни (West 2004: 46). В самом деле, неужели Геродоту трудно было сообщить нам, за сколько лет до него произошли связанные с Аристеем события в Метапонте? Ведь не мог же он этого не знать! Наиболее естественное и простое объяснение такого парадокса может состоять в том, что события эти произошли совсем недавно и были достаточно хорошо известны современникам.

Подтверждение этому и, тем самым, уточнение абсолютной даты для Аристея по Геродоту, между тем, можно извлечь непосредственно из текста Геродота. Аристей, как мы знаем, явившись метапонтинцам, велел им соорудить алтарь Аполлону, а рядом с ним поставить свою собственную статую (*Hdt.* IV. 15). Несомненно, событие это было столь необычно, что метапонтинцы вряд ли долго думали, прежде чем послать за советом в Дельфы, и, поскольку был получен положительный ответ, едва ли мешкали с выполнением воли, по сути дела, Аполлона. «И теперь, – пишет Геродот, – рядом с самой статуей Аполлона стоит скульптура с надписанным на ней именем Аристея» (καὶ νῦν ἔστηκε ἀνδριὰς ἐπινομήην ἔχων Ἀριστέω παρ' αὐτῶι τῶι ἀγάλματι Ἀπόλλωνος...). Мне кажется, что исследователи недостаточно точно оценили смысл выражения καὶ νῦν ἔστηκε, возникающий благодаря использованию результативного перфекта ἔστηκε, в котором скрыта хронологическая близость описываемых событий к настоящему времени Геродота: «и теперь стоит» значит не «и до сих пор стоит» (в этом случае потребовалось бы, например, наречие ἔτι), но «и теперь поставлена и стоит» (где νῦν противопоставлено прошлому, когда статуи не было). Видимо, языковое чутье не подвело Иоанна Цеца, истолковавшего текст Геродота именно так, что метапонтинские события имели место незадолго до того, как о них узнал при своем посещении города Геродот, ибо он связывает появление Аристея через 240 лет после исчезновения из Проконнеса непосредственно со временем Геродота, прямо ссылаясь при этом на его текст, *Tzetzes Chil.* 2.733–735:

καὶ μετὰ διακόσια δις εἴκοσι τὰ ἔτη
 ἐφ' Ἡρόδοτου γέγονε καὶ πάλιν ἀνεφάνη,
 ὥσπερ φησὶν Ἡρόδοτος...

(и через двести и дважды двадцать лет
 при Геродоте появился и снова исчез,
 как говорит Геродот...)

Таким образом, если Геродот посетил Метапонт около 443 г., то «явление» там Аристея вполне могло иметь место около 450 г. Тогда дата второго исчезновения Аристея из Проконнеса с поправкой на счет по поколениям локализуется около 670 г. (690 минус 20, см. выше). Однако надо иметь в виду, что Геродот мог посетить Метапонт и в промежутке ок. 446 – ок. 425 г. Поэтому второе исчезновение Аристея из Проконнеса наиболее разумно датировать отрезком 670–650 гг., и тогда время его путешествия к гиперборейям, протекавшего 7 лет (или какие-то из семи лет) между первым и вторым исчезновением, нужно локализовать в промежутке 680–660 гг. Полученный таким образом результат прекрасно соответствует не только датировке Келермесского зеркала, но и до-

вольно близко подходит ко времени основания Истрии и Борисфена (Мачинский 2011: 408–421), без сомнения, приходясь на время доколониационного освоения этих территорий.

Обнаружив, что имеющиеся внешние свидетельства подтверждают датировку Геродота, которая в свою очередь подкрепляется историко-филологическим анализом геродотовского пересказа содержания поэмы, уместно задаться вопросом, в какой мере дате, вычисленной Геродотом, соответствуют содержание и стилистика дошедших фрагментов поэмы.

Скудные фрагменты «Аримаспей» (в общей сложности 12 гекзаметров) анализировались неоднократно (Bowra 1970; Bolton 1962; Иванчик 1989), но выводы исследователей далеко не согласуются между собой как в понимании деталей, так и в оценке их стилистических особенностей. Любопытно, что такой тонкий знаток греческой поэзии, как Баура, считал фрагменты подлинными и особо подчеркивал искусство, с которым поэт использовал знакомый эпический язык для изложения необычных сюжетов (Bowra 1970: 85). Баура не делал хронологических выводов на основе стиля фрагментов, но признавал влияние поэмы на Келермесское зеркало и, следовательно, необходимость датировки поэмы временем до его создания (таковым он ошибочно считал сер. VI в.). Болтон, интерпретировав как поздние ряд словоупотреблений, имеющих во фрагментах, склонялся к признанию их неподлинности, полагая, тем не менее, что отрывки, процитированные Цецем (fr. 2 Davies, см. далее), все-таки восходят к Аристею, через посредство Гекатея или кого-то другого из ионийских географов (Bolton 1962: 19). Наконец, А.И. Иванчик возвел в абсолют сомнения Болтона и попытался сделать их твердым основанием для поздней датировки поэмы (Иванчик 1989: 29–37).

При этом Болтон с осторожностью, а Иванчик категорично основывают свою попытку стилистического определения хронологии фрагментов «Аримаспей» на синхроническом принципе датировки лексики, когда «возраст» слова или значения определяется по его употреблению в других, датированных, текстах. Подробное обсуждение методологической необоснованности такого подхода к установлению датировки текста потребовало бы отдельной работы. Здесь можно лишь отметить, что его применение может быть относительно оправданно при наличии массового материала, но совершенно не работает, когда мы имеем дело с редкими словами и значениями или с тематикой, не засвидетельствованной другими текстами. Так Иванчик, вслед за Болтоном, рассматривает прилагательное *στίβαρος*, которое у Аристея является целокупной характеристикой аримаспов, в отличие от гомеровского эпоса, где оно многократно употребляется как устойчивый эпитет отдельных частей тела (рук, шеи и плеч героя: II. XII. 397; Od. XVIII. 335 и др.), как признак поздне-

го времени создания поэмы, ссылаясь на аналогичный случай у Аристофана, *Ar. Thesm.* 639 (Иванчик 1989: 34). При этом не принимается во внимание, что пример Аристофана является единичным, так же как в еще более позднее время мы встречаем еще один изолированный случай подобного употребления $\sigma\tau\iota\beta\alpha\rho\acute{\omicron}\varsigma$ в Сивиллиных Оракулах (II в.)¹⁵, в то время как в эллинистической литературе сохраняется архаический узус. Эта ситуация с семантикой слова требует более детального анализа, но очевидно, что аристофановское употребление ничего нам не говорит о времени появления нового узуса, если он и в самом деле был новым.

Другой пример показывает, сколь разные выводы можно извлечь из одних и тех же данных. Так, А.И. Иванчик полагает, что употребление не засвидетельствованного в эпосе наречия *κάρτα* ('очень, весьма') «выдает принадлежность Аристея к тому же кругу, что и ионийские логографы» (слово действительно частотно у Геродота), хотя ему и известно, что слово впервые встречается у Гиппонакта. Но ямбаграфа Гиппонакта (сер. VI в.) мы не можем отнести к тому же «кругу», поскольку он на добрых полвека старше Гекатея (ок. 500 г.), которого отделяет от Геродота еще не менее полувека. К тому же принадлежность поэта к ямбической традиции, учитывая ямбо-трохаическую ритмическую структуру *κάρτα*, делает вполне вероятным его употребление и в более раннее время, а Архилох, по нашим подсчетам, оказывается практически современником Аристея. Широкое использование слова в аттической трагедии обязано, скорее всего, влиянию не ионийской прозы (Иванчик 1989: 32), а ионийской ямбической поэзии. Поэтому *κάρτα* у Аристея естественнее объяснять его родным ионийским диалектом, общим с Гиппонактом, а позднее – и с ионийскими логографами.

Парадокс состоит в том, что, опираясь только на подобные лингвостилистические выводы, А.И. Иванчик должен был бы датировать фрагменты Аристея даже более поздним временем, чем на это указывает знакомство с «Аримаспеей» Ксенофана, Пиндара и Эсхила, т. е. серединой или даже второй половиной V в. Это, по сути дела, и выдает их ложность, ибо в противном случае мы должны были бы вместе с Болтоном признать неподлинность самих фрагментов и отделить вопрос их датировки от проблемы хронологии жизни самого Аристея. Только наличие свидетельства Суды в трактовке Роде, как кажется, потребовало от исследователя предложить датировку в более широких пределах: вторая половина VI – первая четверть V в. (Иванчик 1989: 37). Но натяжки и здесь избежать не удастся, поскольку столь большой период времени не согласуется с пониманием $\gamma\acute{\epsilon}\gamma\omicron\nu\epsilon$ у Суды как времени акмэ поэта (Rohde

¹⁵ *Sibyll. I* 100, 300. Это едва ли свидетельствует об изменившейся норме. Напротив, поздние эпические тексты часто ориентируются на редкие и ранние употребления.

1901). На некоторых аргументах А.И. Иванчика мы по необходимости остановимся в последующем обзоре фрагментов.

Предпринимаемый далее филологический анализ касается только части фрагментов и ни в коей мере не претендует на полноту. В нем лишь предпринята попытка понять основные образы дошедших фрагментов поэмы Аристея и сопоставить их с теми внешними данными о времени путешествия Аристея и создания его поэмы, которыми мы располагаем.

Fr. 2 (ii) Davies:

καὶ φασ' ἀνθρώπους εἶναι καθύπερτεν ὁμοῦρους
πρὸς βορέω, πολλούς τε καὶ ἐσθλοὺς κάρτα μαχητὰς,
ἄφνειοὺς ἵπποισι, πολὺῖρηνας πολυβούτας.

*(и говорят, что дальше есть люди, соседствующие (с ними)
в сторону борея¹⁶, многочисленные и весьма превосходные воины,
изобильные конями, имеющие множество овец и коров).*

Отвлечемся ненадолго от локализации аримаспов, описанной в первом – начале второго стиха, и обратимся к их характеристике. Согласно ст. 3–4, аримаспы являются превосходными воинами, владеющими в изобилии лошадьми и многочисленным мелким и крупным рогатым скотом. Перед нами емкое и точное описание народа кочевников-скотоводов, для которого главным средством передвижения является лошадь. Последний стих фрагмента состоит из двух эпических формул, ἀφνειοὶ μῆλοισι (*Hes. Op.* 120) и πολὺῖρηνες πολυβούται (*Il. IX.* 154, 296), в первой из которых Аристей заменяет одно слово: вместо μῆλοισι пишет ἵπποισι, благодаря чему и получается этнографически точный портрет отдаленного народа¹⁷. Это говорит о предельно осмысленном использовании Аристеем эпического языка. Картина, данная в ст. 2–3, не противоречит геродотовскому пересказу содержания поэмы (*Hdt. IV.* 13), где аримаспы сопоставлены с исседонами, скифами и киммерийцами, т. е. с известными ко-

¹⁶ При переводе выражения πρὸς βορέω необходимо сохранить название ветра (также Bolton 1962: 8), поскольку перевод 'к северу' дал бы искаженную картину. Борей противопоставлен Ноту только в упрощенной четырехсоставной розе ветров (*Od. V.* 294f). Это отнюдь не исключает того, что он покрывал и какую-то часть северо-восточного сектора. В восьмисложной розе ветров Борей соответствует северо-северо-восточному ветру (*RE* 3: 720 f.). Одним из подтверждений тому, что Борей соответствовал северо-северо-восточному направлению, может быть культ Аполлона Борей, засвидетельствованный в Ольвии.

¹⁷ Попытка Иванчика показать зависимость стиха Аристея от фрагмента Каталога женщин (VI в.) Fr. 240 M–W (Иванчик 1989: 33), в котором также используются эти две формулы, как и попытка Болтона показать обратную зависимость, представляется несостоятельной.